

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

“УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ”

(Межрегиональная научно-практическая конференция,
проходившая 28-29 ноября 2002 года)

Издательско-полиграфический центр “Экспресс”
2003

УДК - 343.1
ББК - 67.629.3
У - 26

ISBN 5-98100-007-4

Уголовная юстиция: состояние и пути развития: Региональная научно-практическая конференция. Тюмень: Издательско-полиграфический центр “Экспресс”, 2003, – 366 с.

В настоящий сборник включены статьи участников научно-практической конференции, состоявшейся в Институте государства и права ТюмГУ 28-29 ноября 2002 года.

Под редакцией –

Л. М. Володиной, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, доктора юридических наук, профессора;

В. В. Петрова, зав. кафедрой уголовного права и криминологии, кандидата юридических наук, старшего научного сотрудника;

Е. В. Пономаренко, зав. кафедрой теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. Суховой, зав. кафедрой гражданского и арбитражного процесса, кандидат юридических наук, доцент.

ISBN 5-98100-007-4

Есть и более частные вопросы по правилам, содержащимся в 18 главе УПК: кто подразумевается под законным представителем реабилитированного, имеющим право требовать возмещения имущественного вреда (ч.3 ст.135 УПК). В ст.5 УПК содержится указание только на законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Думается, что в данном случае этот термин употреблен в более широком смысле: речь идет не только о законных представителях несовершеннолетнего, но и о законных представителях лица, в отношении которого осуществлялось производство по применению принудительных мер медицинского характера. Более того, если в ч.3 ст.136 УПК право требовать опровержения сведений о привлечении лица к уголовной ответственности либо применении к нему мер уголовно-процессуального принуждения в случае его смерти предоставлено близким родственникам или родственникам реабилитированного, то почему у наследников реабилитированного нет права требовать возмещения причиненного ему имущественного вреда? Такого указания в ст.135 УПК РФ нет.

В чью пользу предъявляет требования законный представитель: требования о возмещении имущественного вреда, причиненного ему самому в результате наложения ареста на его имущество при производстве по уголовному делу, или требование о возмещении имущественного вреда, причиненного его подопечному? Представляется возможным и то, и другое.

В результате применения главы 18 УПК РФ возникнут и другие вопросы, ответы на которые в ряде случаев даст судебная практика, а в другие потребует вмешательства законодателя.

*Л. Г. ТАТЬЯНИНА,
К.ю.н., доцент
кафедра уголовного процесса
УдГУ, г. Ижевск*

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Производство о применении принудительных мер медицинского характера содержится в главе 51 УПК РФ. Однако в ней содержится ряд спорных положений.

В ч. 1 ст. 433 УПК РФ указано, что производство о применении принудительных мер медицинского характера осуществляется в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии несменяемости. В данной формулировке речь идет о преступлении, так как

именно оно выступает в качестве запрещенного уголовным законом деяния. Однако, одним из признаков преступления является виновность лица его совершившего. Невменяемое лицо, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, не может быть виновно, так как вина предполагает наличие осознания лицом своих действий, способность и возможность руководить ими, которые отсутствуют у психически больного лица. Полагаем, что редакция ст. 403 УПК РСФСР, где было указано, что принудительные меры медицинского характера применяются судом к лицам: совершившим деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости, была более четко сформулирована, не вызывала каких-либо нареканий.

Полагаем, что подследственность уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера, указанная в ч. 1 ст. 434 УПК РФ должна была найти отражение в статье 151. На наш взгляд необходимо предусмотреть обязательное проведение предварительного следствия в отношении лиц, имеющих любые психические недостатки. Это предложение обусловлено тем, что на момент установления наличия психического недостатка у лица нельзя однозначно решить вопрос о его вменяемости или невменяемости, однако необходимо компенсировать его психический недостаток предоставлением ему защитника.

Полагаем, что необходимо установить в УПК РФ процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. На наш взгляд целесообразно дополнить УПК РФ статьей 434¹ «Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера» следующего содержания:

1. Лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, является физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, в отношении которого имеется заключение судебно-медицинской экспертизы о его невменяемости.
2. Решение о признании лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, оформляется постановлением следователя.
3. Оно вправе: знать, в совершении какого общественно опасного деяния его пытаются уличить, давать объяснения, либо показания (в зависимости от состояния здоровья), иметь защитника и законного представителя с момента установления наличия у данного лица любого психического отклонения, заявлять ходатайства, участвовать в следственных действиях и в судебном разбирательстве, приносить жалобы на действия и решения дознавателя, следо-

вателя, прокурора и суда, знакомится с постановлениями о назначении экспертиз и с их заключениями, знакомится с материалами уголовного дела, делать необходимые выписки, заявлять ходатайства, получать копию постановления о направлении дела в суд для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера; принимать участие в исследовании доказательств и в судебных прениях, заявлять отводы, знакомиться с протоколами судебного заседания, обжаловать определение суда, знать о принятых жалобах и протестах на определение суда».

При решении вопроса о способности данного лица принимать участие в производстве следственных действий необходимо производство судебно-психиатрической экспертизы.

Полагаем, необходимо устранить противоречие между положениями п. 4 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, где указано, что: «Защитник участвует в деле ... с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы» и ст. 438, предусматривающей, что: «В производстве о применении принудительных мер медицинского характера участие защитника является обязательным с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы, если защитник ранее не участвовал в данном уголовном деле». Судебно-психиатрическая экспертиза об установлении вменяемости назначается в отношении лиц, которые имеют процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого. Вопрос о применении принудительных мер медицинского характера решается в отношении конкретного лица, только после того, как будет получено заключение судебно-психиатрической экспертизы о признании лица невменяемым. Полагаем, что до получения указанного результата будет осуществляться обычное производство по уголовному делу. Таким образом, положения ст. 438 УПК на практике не применимы, так как заранее предполагать невменяемость лица является недопустимым в силу презумпции психического здоровья конкретной личности. Лица, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера должны иметь защитника, который должен быть допущен с момента получения информации о наличии у лица психического недостатка. Полагаем, что в ч. 1 ст. 49 УПК должно быть указано, что защитник принимает участие и по оказанию юридической помощи лицам, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Невменяемое лицо не может быть субъектом уголовной ответственности, в связи с чем, считаем, что при направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера необходимо принять решение о прекращении уголовного преследования в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости.

На наш взгляд положения ст. 237 УПК РФ, предусматривающие возврат уголовного дела для пересоставления постановления о применении принудительных мер медицинского характера на обвинительное заключение неприменимы на практике, так как в указанной ситуации можно говорить об обвинительном уклоне суда. Если суд по своей инициативе решает, что психически больное лицо не является таковым, то этот факт должен быть установлен, но не личным внутренним убеждением судьи, который не имеет специальных знаний в области психиатрии, а совокупностью доказательств, среди которых должно быть заключение психиатрической экспертизы.

Полагаем, что необходимо привести в соответствие положения п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК и ч. 3 ст. 443 УПК РФ. На наш взгляд, в ст. 443 УПК необоснованно указано на возможность прекращения уголовного дела на основании ст. 24 – 28 УПК РФ, так как прекратить уголовное дело в отношении невменяемого в связи с деятельным раскаянием, изменением обстановки, либо примирением сторон, полагаем недопустимо. Указанные основания могут применяться только в отношении виновного лица, вряд ли психически больной может понять сущность деятельного раскаяния. Поэтому положения ст. 439, где предусмотрена возможность прекращения уголовного дела по ст. 24 и 27 УПК РФ являются более реальными.

Н. Г. МУРАТОВА

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Казанского Государственного Университета*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛУШАНИЕ В СИСТЕМЕ СУДЕБНОГО НАДЗОРА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Проблема функционирования судебного надзора по уголовным делам в условиях становления и развития новых демократических принципов уголовного судопроизводства представляется одной из актуальных. Судебная реформа 1991 г. в Российской Федерации¹, давшая импульс судебно-правовому развитию России, определила новые направления в формировании системы судебного надзора по уголовным делам: судебный контроль за ограничением прав граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения (задержание, заключение под стражу), возможности судебного обжалования процессуальных действий и решений следователя или прокурора, появление суда присяжных, введение института апелляции и мировых судей, возможность проверки допустимости источников доказательств при доказывании значимых по делу доказательств, определение новых обстоятельств в стадии возобновления уголовных дел в виде решений Европейского Суда по правам человека и решений Конституционного Суда РФ.